

Николай Бердяев
ФИЛОСОФИЯ НЕРАВЕНСТВА

Я хочу говорить сейчас о консерватизме не как о политическом направлении и политической партии, а как об одном из вечных религиозных и онтологических начал человеческого общества. Вам неведома проблема консерватизма в её духовной глубине. Для вас консерватизм есть исключительно лозунг в политической борьбе. И этот смысл консерватизма существует, он создан и сторонниками его, и противниками. Консервативные политические партии могут быть очень низменны и могут искажать консервативное начало. Но это не должно затмевать той истины, что невозможно нормальное и здоровое существование и развитие общества без консервативных сил. Консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва в этой связи, соединяет будущее с прошлым. Революционизм поверхностен, оторван от онтологических основ, от ядра жизни. Эта печать поверхностности лежит на всех революционных идеологиях. Консерватизм же имеет духовную глубину, он обращен к древним истокам жизни, он связывает себя с корнями. Он верит в существование нетленной и неистребимой глубины. У великих гениев и творцов был этот консерватизм глубины. Никогда не могли они держаться на революционной поверхности.

Без консервативной среды невозможно появление великих творческих индивидуальностей. Много ли вы насчитываете творческих гениев среди идеологов крайнего революционизма? Лучшие люди не были с вами. Все они черпали творческую энергию в глубине жизни. И если чужд им был консерватизм внешний и политический, то начало консерватизма глубинного и духовного всегда можно найти у них. Эта консервативная глубина есть у самых больших людей XIX века, она есть у Гете, у Шеллинга и Гегеля, у Шопенгауэра и Р. Вагнера, Карлейля и Рёскина, у Ж. де Мэстра, у Вилье де Лиль Адана и Гюисманса, у Пушкина и Достоевского, у К. Леонтьева и Вл. Соловьева. Она есть у тех, которые жаждут новой, высшей жизни и не верят в революционные пути её достижения.

Исключительное господство революционных начал истребляет прошлое, уничтожает не только тленное в нём, но и вечно ценное. Революционный дух хочет создать грядущую жизнь на кладбищах, забыв о могильных плитах, хочет устроиться на костях умерших отцов и дедов, не хочет и отрицает воскресение мертвых и умершей жизни. Революционный дух хочет отдать жизнь человеческую истребляющей власти времени. Он бросает всё прошедшее в пожирающую пучину будущего. Этот дух обоготворяет будущее, т. е. поток времени, и не имеет опоры в вечности. Но поистине, прошедшее имеет не меньшие права, чем будущее. Прошедшее не менее онтологично, чем будущее, умершие поколения не менее онтологичны, чем поколения грядущие. В том, что было, не меньше от вечности, чем в том, что будет. И чувство вечности острее чувствуем мы в

нашем обращении к прошлому. В чем притягивающая нас тайна красоты развалин? В победе вечности над временем. Ничто не дает так чувства нетленности, как развалины. Развалившиеся, поросшие мхом стены старых замков, дворцов и храмов представляются нам явлением иного мира, просвечивающим из вечности. В этом ином мире подлинно онтологическое сопротивляется разрушающему потоку времени. Разрушающим потоком времени сносится всё слишком временное, всё, устроенное для земного благополучия, и сохраняется нетленная красота вечности. В этом тайна красоты и обаяния памятников прошлого и памяти о прошлом, магия прошлого. Не только развалины дают нам это чувство победы вечности над временем, но и сохранившиеся старые храмы, старые дома, старые одежды, старые портреты, старые книги, старые мемуары. На всем этом лежит печать великой и прекрасной борьбы вечности с временем. Никакой современный, недавно построенный храм, хотя бы он представлял совершенную копию стиля древних храмов, не может дать того трепетного и томительного чувства, которое дает древний храм, ибо чувство это рождается в нас оттого, что время пробовало положить свою роковую печать и отступило. И воспринимается нами, как нетленная красота, не истребление и разрушение времени, а борьба вечности против этого истребления и разрушения, сопротивление иного мира в процессе этого мира. Все новое, сегодняшнее, недавно созданное и построенное не знает ещё этой великой борьбы нетленного с тленным, вечности мира иного с потоком времени этого мира, на нём нет ещё этой печати приобщения к высшему бытию, и потому нет в нём ещё такого образа красоты. Необходимо глубже вдуматься в эту магию прошлого, в это таинственное его очарование. Эта притягивающая и странная магия есть и в старых усадьбах, и в старых парках, и в семейных воспоминаниях, и во всех материальных предметах, говорящих о старых человеческих отношениях, и в старых книгах, и в самых посредственных портретах предков, и во всех вещественных остатках древних культур. Ничто новое, сегодняшнее и завтрашнее, не может дать такого острого чувства, ибо не произошло ещё в нём великой борьбы мира вечности с миром времени. Притягивающая красота прошлого не есть красота того, что было, что было когда-то сегодняшним и новым, это — красота того, что есть, что вечно пребывает после героической борьбы с истребляющей властью времени. Я хорошо знаю, что в прошлом не всё было столь прекрасным, что много в нём было уродства и безобразия. Но тайна красоты прошлого объясняется совсем не тем, что мы идеализируем прошлое и представляем себе его не таким, каково оно было на самом деле. Красота прошлого совсем не есть красота того настоящего, которое было в действительности триста или пятьсот лет тому назад. Красота эта есть красота того настоящего, которое есть сейчас, после преображения этого прошлого борьбой вечности со временем. Красота старого храма, как и красота семейных преданий, есть красота преображённого храма и преображённой семейной жизни. Образ красоты не есть уже образ того храма, который строился тысячу лет тому назад, и не есть образ той

семейной жизни, которая двести лет тому назад протекала на земле со всеми грехами, пороками и уродством человеческим. Мы знаем большую красоту, чем наши предки. Вот на какой глубине нужно искать основ консерватизма. Истинный консерватизм есть борьба вечности со временем, сопротивление нетленности тлению. В нём есть энергия не сохраняющая только, но и преобразующая. Об этом не думаете вы, когда судите о консерватизме по вашим критериям.

Ваше революционное отношение к прошлому есть полярная противоположность религии воскресения. Революционный дух несовместим с религией Христа, потому что он хочет не воскресения, а смерти всего отошедшего и прошедшего, потому что он исключительно обращен к будущим поколениям и не думает об умерших предках, не хочет сохранить связи с их заветами. Религия революции есть религия смерти именно потому, что она исключительно поглощена современной и будущей земной жизнью. Религия Христа есть религия жизни именно потому, что она обращена не только к живым, но и к умершим, не только к жизни, но и к смерти. Кто отвращается от лика смерти и бежит от него ко вновь возникающей жизни, тот находится в истребляющей власти смерти, тот знает лишь клочья жизни. То, что революция хоронит своих покойников в красных гробах, религиозное отпевание заменяет революционными песнями, не ставит крестов на могилах, и значит, что она не хочет восстановления жизни, воскресения умерших, что всякий покойник для нее есть лишь орудие и средство, лишь повод для утверждения сегодняшней и завтрашней жизни. Религия революции покорно принимает тот злой закон природного порядка, в силу которого будущее пожирает прошедшее, миг последующий вытесняет миг предшествовавший; она поклоняется этой бедности и косности природной жизни, этой розни и смертоносной ненависти. Эта религия смерти не только охотно мирится со смертью прошедших поколений, отцов и дедов, но и хотела бы истребить самую память о них, не допускает продолжения их жизни в нашем воспоминании и почитании, в сохранении связи с их традициями и заветами. Вы, люди революционного сознания, отвергнувшие всякую правду консерватизма, не хотите прислушиваться к той глубине своей, в которой вы услышали бы не только свой голос и голос своего поколения, но и голос отошедших поколений, голос всего народа во всей его истории. Вы не хотите знать воли всего народа в истории его, вы хотите знать лишь свою волю. Вы неблагородно и низко пользуетесь тем, что наши отцы, деды и прадеды лежат в земле, в могилах и не могут подать своего голоса. Вы ничего не делаете для того, чтобы они встали из могил, вы пользуетесь их отсутствием, чтобы устроить свои дела, чтобы использовать их наследство, не считаясь с их волей. В основе вашего революционного чувства жизни лежит глубокое неверие в бессмертие и нежелание бессмертия. На торжестве смерти зиждется царство ваше. Консерватизм, как вечное начало, требует, чтобы в решении судеб обществ, государств и культур был выслушан не только голос живых, но

голос умерших, чтобы было признано реальное бытие не только за настоящим, но и за прошедшим, чтобы не порывалась связь с нашими покойниками. Учение Н. Ф. Федорова о воскрешении умерших предков есть прямая противоположность революционизма, есть религиозное обоснование правды консерватизма. Правда консерватизма не есть начало, задерживающее творчество будущего, она есть начало, воскрешающее прошлое в его нетленном. В учении Федорова о воскрешении есть много утопической фантастики. Но основной мотив его необычайно глубок. И по сравнению с радикализмом Федорова всё кажется таким умеренным и поверхностным.

Революционное отрицание связи будущего с прошлым, связи поколений, по религиозному своему смыслу есть отрицание тайны предвечной связи Сына и Отца, тайны Христа как Сына Божьего. В революции утверждается сыновство без отчества, Сын Человеческий не имеет отца. Сыны революции — *parvenus*. Революция по духовной своей природе есть разрыв отчей и сыновней ипостаси. Она разрушает тайны единства Св. Троицы в мире, в истории, в обществе. А поистине, Божественная Троичность действует не только на небе, но и на земле. И человечество может быть в единстве Троичности или выходить из него и восставать против него. В христианстве утверждается предвечная связь Отца и Сына, Сын рождается от Отца. Но нарушение этой связи может идти с двух сторон, может иметь два противоположных источника. Когда консерватизм отрицает творчество новой жизни, когда он задерживает движение жизни и представляет лишь силу инерции и косности, он также разрывает отчую и сыновнюю ипостась, он утверждает отца без сына, отца нерождающего. Отцы, восставшие на творческую, а не разрушительную жизнь сыновей, воздвигающие гонение на всякую динамику сыновьей жизни, также разрушают единство Божественной Троичности, как и сыновья, революционно порывающие всякую связь с отцами, истребляющие прошлое. Они становятся гасителями Духа. И потому начало консервативное не может быть единственным, отвлеченным началом, оно должно быть соединено с началом творческим, с динамическим движением. Правда консерватизма не в задержании творческого движения, а в сохранении и воскрешении вечного и нетленного в прошлом. Но в прошлом было и много тленного, грешного, злого, темного, и оно обречено огню. Охранение всей шелухи прошлого, всей его соломы, всего неонтологического в нём есть дурной, злой, отрицательный консерватизм. Он готовит революции и бывает виновником их. Гнилостные, разлагающие процессы прошлого не имеют права на охранение.

Природа консервативного начала плохо понимается не только врагами его, но и иными сторонниками его. Существует тип консерватора, который более всего сделал для скомпрометирования всякого консерватизма. В истинном сохранении и охранении должна быть преображающая энергия. Если в нём есть лишь инерция и косность, то это зло, а не добро. Велико значение исторической традиции и предания. Но в

традиции и предания есть не только консервативное, но и творческое начало, есть положительная энергия. Традиция и предание вечно творятся, сохраняя преемственность. Так, в жизни церковной всё основано на священном предании. Но предание не означает косного консерватизма. Есть предание о религиозном творчестве, есть творческое предание, творческий консерватизм. И верность преданию означает продолжение творческого дела отцов и дедов, а не остановку. В прошлом в жизни церкви было творческое движение, был почин, была зачинающая человеческая активность. И верность преданиям этого прошлого означает продолжение творческого движения, почина, зачинающей человеческой активности. Зачинателями и творцами были апостолы, мученики, учителя церкви, святые. И мы неверны преданию о них, если мы в себе не чувствуем зачинающей творческой религиозной энергии. То же можно распространить и на всю культурную и государственную жизнь. Ложный, косный консерватизм не понимает творческой тайны прошлого и её связи с творческой тайной грядущего. Поэтому обратной стороной его является истребляющий прошлое революционизм. Революционизм есть кара, подстерегающая ложный консерватизм, изменивший творческому преданию. В революционизме торжествует хаизм, дух рагвену. В истинном же консерватизме есть благородство древнего происхождения. Историческая давность имеет религиозную, нравственную и эстетическую ценность. Благородство освященной старины все принуждены признать в лучшие минуты жизни, когда освобождаются от угара сегодняшнего дня. Но эта ценность и это благородство давнего, древнего старинного, векового и тысячелетнего есть ценность и благородство преображения духом вечности, а не инерции, косности и окостенения. Мы религиозно, нравственно и эстетически почитаем во всем давнем и старинном жизнь, а не смерть, жизнь большую, чем быстротечные мгновения сегодняшнего дня, в которых бытие не отделено ещё от небытия, крупницы нетленного смешаны с огромным количеством тленного.

Правда консерватизма есть правда историзма, правда чувства исторической реальности, которое совершенно атрофировано в революционизме и радикализме. Отрицание исторической преемственности есть отрицание и разрушение исторической реальности, нежелание знать живой исторический организм. Отрицание и разрушение исторической преемственности есть такое же посягательство на реальное бытие, как и отрицание и разрушение преемственности личности, индивидуального человеческого я. Историческая реальность есть индивидуум особого рода. В жизни этой реальности есть органическая длительность. В исторической действительности есть иерархические ступени. И разрушение иерархического строения исторического космоса есть разрушение, а не свершение истории. В историческом космосе образуются и устанавливаются качества, неразложимые и неистребимые в своей онтологической основе. Эта иерархия кристаллизованных в истории качеств не должна препятствовать образованию новых качеств, не Должна задерживать

творческое движение. Но и никакое творческое движение, никакое образование новых качеств не может разрушать и сметать уже кристаллизовавшиеся исторические ценности и качества. Возрастание жизни и умножение ценностей совершается через начало консервативное, преображающее старую жизнь для вечности, и через начало творческое, созидающее новую жизнь для той же вечности. Разрыв отечества и сыновства, который совершается ложным консерватизмом и ложным революционизмом, есть ослабление жизни, есть дух смерти для прошедшего или для грядущего.

Неправедна, лжива и безобразна ваша исключительная вера в будущее. Этот футуризм — ваш коренной грех. Он разрывает и распыляет целостное историческое и космическое бытие. То футуристическое мироощущение, которое появилось в связи с новыми течениями в искусстве, имеет качество радикализма, оно доводит до конца революционное отрицание прошлого и обоготворение будущего и делает отсюда последние смелые выводы. Вы же, социальные революционеры разных оттенков, вы половинчаты, и так безнадежно поверхностны, что не можете углубить футуристического ощущения жизни. Крайним и радикальным оказывается ваш футуризм лишь в плоскости социальной. Но всё мышление ваше, все ваше чувственное восприятие жизни так старо, так инертно, сознание ваше так сдавлено категориями мира прошедшего. Ваше идолопоклонство перед будущим принадлежит дурному прошлому и взято из него. Поистине, новая душа не будет грешить этим идолопоклонством, она будет свободна от времени. Какая жалкая иллюзия — представлять себе будущее окрашенным в светлый радужный цвет, прошлое же — в цвет мрачный и черный! Какое жалкое заблуждение видеть в будущем больше реальности, чем в прошлом! Как будто бы от быстротечного времени зависит реальность бытия и качества бытия! Какое рабство чувствуется в таком отношении к жизни! Поистине, в большей глубине нужно искать подлинных реальностей и качеств бытия. Истинное и цельное отношение к жизни должно утверждать вечное, вечное в прошлом и вечное в будущем, как единую длящуюся жизнь, должно искать подлинно онтологического. И поистине, онтологическое, а не иллюзионистическое отношение к жизни должно открыть творческое движение в глубине бытия, онтологическое движение самой абсолютной действительности, а не ваше поверхностное движение, разрывающее бытие на призрачные миги движения. Консервативное начало имеет религиозное значение, как утверждение отчей ипостаси, вечно ценного и бытийственного в прошлом, как воля к воскрешению прошлого в жизни вечной. И оно несколько не противоречит началу творческому, тоже обращенному к вечности в будущем, утверждающему сыновнюю ипостась. Выявление радикального футуризма было неизбежно, и его нужно даже приветствовать. В нём окончательно изобличается ложь революционного отношения к прошлому и будущему, раскрывается бездна небытия, которую не видят половинчатые и поверхностные революционеры.

Существует не только священное предание церкви, но и священное предание культуры. Без предания, без традиции, без преемственности культура невозможна. Культура произошла из культа. В культе же всегда есть священная связь живых и умерших, настоящего и прошедшего, всегда есть почитание предков и энергия, направленная на их воскрешение. И культура получила в наследство от культа это почитание могильных плит и памятников, это поддержание священной связи времен. Культура по-своему стремится утвердить вечность. В культуре всегда есть начало консервативное, сохраняющее и продолжающее былое, и без него культура немислима. Революционное сознание враждебно культуре. Оно пошло от вражды к культу, в самом зарождении своем оно было выпадением из культа, из установленной культом связи. Оно изначально было иконоборческой ересью, восстанием против культовой эстетики. Все вы, люди революционного духа, все вы культуроборцы. Вам нельзя верить, когда вы говорите, что вы за культуру, когда вы основываете свои «пролеткульты» и прочие безобразия. Вам многое нужно из орудий культуры для ваших утилитарных целей. Но вам ненавистна душа культуры, культовая её душа, поддерживающая огонь в неугасимой лампаде, сохраняющая связь времен в вечности, обращенная к покойникам, как и к живым. Вы хотели бы вынуть душу из культуры и оставить от нее лишь внешнюю оболочку, лишь кожуру. Вы хотите цивилизации, а не культуры. В истинном консерватизме почитаются творческие деяния предков, зачинавших и создававших культуру. Вы отказываетесь от этого почитания, вас давит величие предков. Вы хотели бы устроиться и погулять на свободе, без прошлого, без предков, без связи. Ваш революционный бунт обнаруживает ваше творческое бессилие, вашу слабость и ничтожество. Ибо почему бы сильным, ощутившим в себе творческую мощь, восставать против умерших творцов, совершать надругательство над могилами? Культура предполагает консервативное начало, начало, сохраняющее прошлое и воскрешающее умерших, и это консервативное начало не может быть страшно и стеснительно для самого дерзновенного творчества. Начало творческое и начало консервативное не могут быть противоположаемы. Новые храмы не должны непременно разрушать старые храмы. Будущее совместимо с прошлым, когда побеждает дух вечности. Революционное же или реакционное противоположение начала консервативного и творческого есть победа духа тления. Культура так же предполагает начало консервативное, как и начало творческое, сохранение и зачинание. И культура погибает, когда одно из этих начал исключительно торжествует и вытесняет другое. Цветение культуры требует и благоговейного отношения к могилам отцов, и творческого дерзновения, зачинающего небывалое.

Образ Рима является вечным образом культуры. Сложное строение Рима, наслоение в нём многих культурных эпох, сохранившиеся в нём следы всемирной истории научают нас познавать эту вечную, консервативно-творческую природу культуры, эту великую связь времен,

это сохранение и преобразование прошедшего в настоящем и будущем. В Риме памятники человеческого творчества, памятники истории превратились в явление природы. Развалины Рима дают могущественное и волнующее чувство вечности. Это сладостное чувство с особенной остротой пронизывает вас, когда вы смотрите на Кампанию, на Аппиеву дорогу, на древние могилы. Там царство покойников, там страна не рождает уже, но прошлое унаследовало вечность, вошло в неумирающую жизнь космоса. Там узнается, что человеческая история есть неотрывная часть жизни космической. Много увидите вы в Риме храмов сложного строения, совмещающих несколько культовых и культурных эпох. На развалинах древнего языческого храма построен храм первохристиан, а на нём позднейший христианский храм. Таков, например, прелестный храм St. Maria in Cosmedin и более известный St. Clemente. Это дает исключительное чувство неистребимой, вечно пребывающей реальности истории. Строение римской культуры подобно геологическому строению земли, оно есть явление космического порядка. Рим страшно углубляет чувство исторической жизни. В нём могилы — царство жизни, а не смерти, катакомбы говорят о вечных основах нашей культуры и истории, о возможности перехода их в вечность. Все это трудное и мучительное для первого восприятия Рима совместительство и сожительство Рима античного, Рима первохристианского, Рима возрождения и Рима барокко убедительно говорит о вечной связи времен в культуре и истории, о сочетании и слиянии начал консервативных и творческих. Революционное отрицание всякого консерватизма есть варварство. И революционная стихия — варварская стихия. Революционный дух есть реакция варварской стихии против культуры, против культового предания. Но в культуре может наступить застой, иссыкание творчества, которое делает эту реакцию неизбежной. Вся европейская культура, которая есть прежде всего культура латинская, основана на предании античности, на органической с ней связи и потому уже включает в себе начало консервативное. Вы не чувствуете этого потому, что вы равнодушны к культуре, что ваш идеал общественности не есть культурный идеал. Совершенно отрицают консервативное начало те, которые отрицают самобытность исторической действительности. Признание самого факта бытия этой действительности уже предполагает признание консервативного начала, т. е. сохранения единства и преемства её. Вы же хотите подменить конкретную историческую действительность отвлеченной социологической действительностью, и потому консервативное начало представляется вам помехой на путях вашего отвлечения.

Начало консервативное не допускает в общественной жизни ниспровержения общественного космоса, образованного творческой и организующей работой истории. Это начало сдерживает напор хаотической тьмы снизу. И потому смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперёд и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему

образованию государств и культур. Смысл консерватизма — в препятствиях, которые он ставит проявлениям зверино-хаотической стихии в человеческих обществах. Эта стихия всегда шевелится в человеке, и связана она с грехом. И вы, идеологи революционизма, отрицающие всякие права за консерватизмом, сами находитесь во власти заблуждений и других вводите в заблуждение, когда повторяете общие места о том, что революционизм есть всегда движение вперёд, а консерватизм — движение назад. Слишком часто в истории революционное движение вперёд было призрачным движением. Реально оно было движением назад, т. е. вторжением в образовавшийся творческим процессом истории общественный космос хаотической тьмы, которая тянет вниз. И потому борьба консервативных и революционных начал может оказаться борьбой начал космических и хаотических. Но консерватизм делается началом, задерживающим движение вперёд и вверх и отрицательным, в том случае, если он сознает себя единственным космическим началом человеческой жизни и становится во враждебное отношение к началу творческому. Сдержка хаотической тьмы снизу для охранения образовавшегося многими поколениями общественного космоса сама по себе недостаточна. Хаотическая тьма, имеющая бездонный источник, должна не только сдерживаться и не допускаться внутрь общественного космоса, она должна также просветляться и творчески преображаться. Консервативное и творческое начала должны служить одному и тому же космическому делу, великому делу борьбы с мировым хаосом и с грехом, отдающим человеческие общества во власть этого хаоса. И если хаотическая бесформенная тьма сама по себе не есть ещё зло, а лишь бездонный источник жизни, то она становится злом, когда её пробуют санкционировать и освящать, когда её делают руководящим началом человеческой жизни. В революционных же идеологиях хаос получает рационалистические санкции.

Жизнь отдельных людей, человеческих обществ и всего исторического человечества вечно получает новые источники обновления от непочатых ещё темных, хаотических, варварских сил. Силы эти обновляют дряхлеющую и леденеющую кровь человечества. К историческому космосу приобщаются новые человеческие расы и новые человеческие классы. Это — неизбежный и благостный процесс. Тьма должна вступать в царство света, но для того, чтобы просветиться и поддержать источники света новыми силами, а не для того, чтобы низвергнуть все светильники и расширить царство тьмы. Вступление новых сил в исторический космос и исторический свет есть процесс органический, а не механический. Как и всякий органический процесс, процесс этот предполагает иерархические начала, иерархический жизненный строй. Полное низвержение иерархического начала опрокидывает все светильники и гасит с таким трудом и мукой добытый свет. Светильники должны охраняться, чтобы тьма приобщилась к царству света, а не низвергла царство света. В космосе есть бездонная хаотическая основа, и из нее бьёт источник новых сил. Но космос должен сохранить свой иерархический строй, свой центральный источник

света, чтобы не быть окончательно опрокинутым хаотическими силами, чтобы исполнить своё божественное предназначение, чтобы тьма просветлялась, чтобы хаос приобщился к космосу. Революционное сознание не понимает этих глубоких отношений между хаосом и космосом, скрытых под всеми общественными переворотами и изменениями. Чистое, отвлеченное революционное сознание противоестественно и чудовищно соединяет хаотическое и рационалистическое, оно поклоняется разом и хаосу, и рационализму. Оно противоположно космическому и мистико-органическому. Революционное сознание не хочет считаться с органической природой человека и человеческого общества, с их физиологией и психологией, обладающими большой устойчивостью. Оно не хочет знать, что эти физиология и психология имеют глубокую «мистическую» основу. Это есть черта крайнего рационализма, это ведет к рационалистическому изнасилованию природы, которая мстит за себя. Общественное развитие и общественные изменения должны считаться с органической природой и её непреложными законами. Но это рационалистическое изнасилование органической природы человека и общества совершается через силы хаотические, выходящие из космического ритма или не вошедшие ещё в него. Это соединение хаоса с рационализмом есть один из парадоксов общественной философии, который говорит о противоречиях человеческого бытия. В росте и цвете дерева нет ни хаотизма, ни рационализма. Такова же и природа человеческого общества, погруженного в недра жизни космической. Но хаотизм и рационализм в жизни человеческих обществ является результатом злой человеческой свободы, той произвольной свободы, которая есть знак человеческого рабства. Законы природы, сдерживающие хаос в космосе, обрушиваются на человеческое общество, вступившее на путь хаотического и рационалистического насилия, и возвращают человека в темницу его ветхой физиологии и психологии, революцией не побежденной и не преодоленной. Хаос не может освободить человека, ибо он и есть источник рабства человека. Революция бессильна изменить человеческую природу; она оставляет её органически ветхой, подчиненной старой и непреодоленной физиологии и психологии, но притязает механически создать из этой старой человеческой природы совершенно новое общество и жизнь. Это и делает революции в значительной степени призрачными, не имеющими корней. Это бессилие революционного хаоса изменить человеческую природу, преодолеть законы её физиологии и психологии, эта оторванность его от мистической глубины органической жизни и обосновывает правду и права консерватизма. Если бы революционизм имел силу реально и существенно изменить и преобразить человеческую природу и сотворить новую лучшую жизнь, то он был бы оправдан. Но так как революционизм лжет, что он может это сделать, так как его достижения призрачны, то реакция консерватизма против него есть необходимая реакция изнасилованной, но не преображённой природы.

Консервативное начало не есть начало насилующее и не должно быть им. Это — свободно-органическое начало. В нём есть здоровая реакция против насилия над органической природой, против покушения на убиение жизни, которая хочет быть длящейся. Консервативное начало само по себе не противоположно развитию, оно только требует, чтобы развитие было органическим, чтобы будущее не истребляло прошедшего, а продолжало его развивать. Несчастлива судьба той страны, в которой нет здорового консерватизма, заложенного в самом народе, нет верности, нет связи с предками. Несчастлив удел народа, который не любит своей истории и хочет начать её сначала. Так несчастлива судьба нашей страны и нашего народа. Если консерватизм существует лишь у власти, оторванной от народа и противоположной народу, в самом же народе его нет, то всё развитие народа делается болезненным. В консерватизме, как связи с вечностью, должна быть не только сила, но и правда, привлекающая сердце народное, обоснованная в его духовной жизни. Постылый и отталкивающий консерватизм бессилён, он может насиловать, но не может привлекать к себе и вести за собой. И несчастна страна, в которой всякий консерватизм сделался постылым и насилующим. Когда консерватизм ассоциируется в народном сознании с препятствием для развития и с враждой к творчеству, то в стране готовится революция. Виновными в этом бывают и те консервативные силы, которые допустили в себе омертвление и окостенение, и те революционные силы, которые восстали на вечные начала, на непреходящие ценности и святыни. Энергия консервативная должна быть также имманентна народу, как и энергия творческая, она не может быть исключительно внешней для него. Революция означает крайнюю трансцендентность всего божественного и духовно ценного. В конце концов всякое здоровое консервативное течение, без которого не может быть сохранения общественного космоса, имеет опору в тысячелетних чувствах народных, которые нельзя разрушить в один день, минуту или год. Духовные же перевороты в жизни народа совершаются не теми путями, которыми совершаются революции. Величайший духовный переворот в истории человечества — явление христианства в мире — не был революцией в вашем смысле слова. Наибольшую свободу для человека даёт сочетание начала консервативного с началом творческим, т. е. гармоническое развитие общественного космоса. Новые же откровения мира духовного возникают в ином плане, ускользающем от ваших взоров. И вы хотите сохранить о себе память в грядущих поколениях, и вы хотите долголетия в исторической жизни. И этим вы утверждаете какую-то правду консервативного начала. И если вы хотите, чтобы сохранилась о вас память и чтобы вы продолжали жить, то вы должны сохранить память о своих умерших предках и должны воскрешать их для жизни вечной. «Чти отца твоего и мать твою, и благо тебе будет, и долговечен ты будешь на земле». В религиозной глубине заложено начало консервативное. Там же заложено и начало творческое.